

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY / СЫН ЖӘНЕ БИБЛИОГРАФИЯ
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

UDC/ЭОЖ/УДК 94»16/18»; 94(574)
CICSTI/FTAMP/МРНТИ 03.09.31; 03.20.00

Persecution of Sufis: "Mansurov Affair"

Maral R. Satenova

*Master of History, Doctoral Student,
Chokan Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Qazaqstan.
E-mail: mr.satenova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9929-2610>*

Keywords: Russian Empire; Qazaq Steppe; colonial policy; Islam; Sufism; Muhammad Sharif Mansurov

Тірек сөздер: Ресей империясы; Қазақ даласы; отаршыл саясат; ислам; сопылық; Мұхаммед Шәриф Мансұров

Ключевые слова: Российская империя; Казахская степь; колониальная политика; ислам; суфизм; Мухаммад Шариф Мансуров

This review focuses on the new joint work by Pavel Shabley and Paolo Sartori, "The Mansurov Affair: Empire and Sufism in the Qazaq Steppe", published in Moscow by "Novoye Literaturnoye Obozreniye". This book is an attempt to provide a scholarly understanding of the repressive measures of Russian imperial colonial policy against Islam and Sufism in Qazaqstan in the second half of the 19th and early 20th centuries, using the "Mansurov Affair", in which Ishan Muhammad Sharif Mansurov was the main defendant. The nine-year investigation into this case left a profound archival legacy and attracted considerable attention from multiple representatives of the colonial administration. The authors, using the concept of epistemological relativity as the methodological basis, examine the problem from various perspectives, subjecting the colonial archive to a thorough critical analysis. To describe the power relations within the colonial administration, an orientalist approach is used. Using the "Mansurov Affair" as an example, the authors show that the Empire's colonial policy toward its Muslim subjects was not always well-coordinated, practical, or strategically motivated, which is what makes the study unique. From the very beginning, the colonial administration's actions were characterized by ambivalence and inconsistency. The Empire's negative perception of Sufism was rooted in "information panic", stereotypes, and prejudices. Importantly for Qazaqstan readers, the very existence of political persecution of Sufism in Qazaqstan, dating back to the mid-19th century, is raised for the first time. The book's writers have done a great deal of work in gathering, organizing, and bringing rare historical materials into general academic use. This study also serves as an excellent example of how to formulate a scholarly topic, thoroughly examine it, and find a solution.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Qazaqstan, project IRN AP 23487682 «The specifics of Kazakh-Russian relations in the Kazakh Urals: the relationship of ideology and practice in the historical aspect».

For citation: Satenova Maral R. 2025. Persecution of Sufis: "Mansurov Affair". *Qazaq Historical Review*, vol. 3, no. 2, 263–268 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2025.2.263.268>

Сопыларды қудалау: «Мансұров ісі»

Марал Р. Сатенова

тарих магистрі, докторант, Шоқан Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы, Қазақстан

Бұл шолу Мәскеудің «Новое литературное обозрение» баспасынан жарық көрген Павел Шаблей мен Паоло Сарторидің «Мансұров ісі: Қазақ даласындағы империя және сопылық» (орыс тіліндегі түпнұсқа: «Дело Мансурова: империя и суфизм в Казахской степи») дейтін ортақ еңбегіне арналған. Аталған кітап Ресей империясының XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың бас кезінде Қазақстандағы ислам дінін, соның ішінде сопылықты қуғындау саясатын ғылыми тұрғыда пайымдау бағытындағы талпыныс саналады. Нақты мысал ретінде Мансұров ісін алған. Бұл істің бас кейіпкері – ишан Мұхаммед Шәриф Мансұров. Бұл іс бойынша тоғыз жылға созылған тергеудің ізі архивте мольнан қалып, отаршыл әкімшілік өкілдерінің назарын айрықша аударды. Авторлар өз зерттеулерінің негізгі әдістемесі ретінде салыстырмалы эпистемология идеясы таңдап алып, мәселені әртүрлі көзқарас тұрғысынан қарастырған, архив материалдарына мұқият сыни талдау жасаған. Отаршыл әкімшілік ішіндегі билік қатынастарын сипаттау үшін ориенталистік тәсілді пайдаланған. Зерттеу барысында авторлар Мансұров ісін мысалға ала отырып, бодан мұсылмандар жөніндегі империяның отаршыл саясаты әу бастан-ақ бірізді болмағанын,

прагматизм мен стратегиялық ойлау, сабақтастық әрқилы екенін көрсете білген. Қазақстандағы сопылықты саяси тұрғыда құдалау фактісі XIX ғасырдың ортасында-ақ басталғаны туралы мәселе алғаш рет қозғалғаны Қазақстан оқырмандары үшін де маңызды жайт. Кітап авторлары сирек тарихи материалдарды жинау, жүйелеу, ғылыми айналымға енгізу жолында ауқымды жұмыс істеген. Бұл зерттеу мәселеге жан-жақты қарау мен шешімін көрсету, ғылыми мәселені тартымды қоя білу тұрғысынан үлгі бола алады.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды, жобаның ЖТН АР 23487682 «Қазақстандық Оралдағы қазақ-орыс қатынастарының спецификасы: идеология мен практиканың өзара байланысы тарихи аспектіде».

Сілтеме жасау үшін: Сатенова М.Р. Сопыларды құдалау: «Мансуров ісі». *Qazaq Historical Review*. 2025. Т. 3. № 2. 263–268-бб. (орысша). DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2025.2.263.268>

Преследование суфиев: «Дело Мансурова»

Марал Р. Сатенова

*магистр истории, докторант, Институт истории и этнологии
имени Чокана Валиханова, Алматы, Казахстан*

Настоящий обзор посвящен новой совместной работе Павла Шаблея и Паоло Сартори «Дело Мансурова: империя и суфизм в Казахской степи», опубликованной в Москве в издательстве «Новое литературное обозрение». Данная книга является попыткой научного осмысления репрессивных мер российской имперской колониальной политики во второй половине XIX – начале XX веков в отношении ислама и суфизма на территории Казахстана на примере дела Мансурова, главным фигурантом которого стал ишан Мухаммад Шариф Мансуров. Длившееся девять лет следствие по этому делу оставило глубокий архивный след и привлекло огромное внимание разных представителей колониальной администрации. Методологической основой своего исследования авторы избрали идею эпистемологической относительности и рассматривают проблему с разных точек зрения, подвергают колониальный архив тщательному критическому анализу. Для описания характера властных отношений внутри колониальной администрации также использован ориенталистский подход. Оригинальность исследования заключается в том, что авторам на примере дела Мансурова удалось показать, что колониальная политика империи в отношении подданных мусульман не всегда имела согласованность, прагматизм и стратегические соображения. С самого начала их взаимоотношений в действиях колониальной администрации имели место двойственность и непоследовательность. В основе негативного восприятия империей суфизма лежала «информационная паника», стереотипы и предрассудки. Для казахстанского читателя важно то, что впервые поднимается тема наличия самого факта политических преследований суфизма в Казахстане уже в середине XIX века. Авторы книги проделали значительную работу по сбору, систематизации и введению в широкий научный оборот уникальных исторических материалов. Кроме того, данное исследование является примером удачной постановки научной проблемы, ее всестороннего рассмотрения и решения.

Источник финансирования: Данная статья подготовлена в рамках выполнения проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН АР 23487682 «Специфика казахско-русских взаимоотношений на Казахском Урале: взаимосвязь идеологии и практики в историческом аспекте».

Для цитирования: Сатенова М.Р. Преследование суфиев: «Дело Мансурова». *Qazaq Historical Review*. 2025. Т. 3. № 2. С. 263–268. DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2025.2.263.268>

Заключительный этап российской имперской колонизации Казахской степи во второй половине XIX века, дальнейшее военное продвижение империи через Казахскую степь вглубь Центральной Азии требовали усовершенствования институтов колониального управления, решения вопросов взаимодействия с мусульманским населением нового обширного региона. Как строилось это взаимодействие метрополии со своими новообретенными колониями, какие инструменты использовали российские власти в Казахской степи и что общего в колониальной политике Российской империи и других колониальных держав Старого мира – вопросы, которые нуждаются в тщательной проработке и исследовании на основе исторических документов и современных методологических разработок с учетом соответствующего мирового историографического опыта. В своей новой совместной книге Павел Шаблей и Паоло Сартори «Дело Мансурова: империя и суфизм в Казахской степи» [Шаблей, Сартори 2025] подошли к решению части этих вопросов через призму конкретного исторического примера – арест и расследование дела суфийского ишана Мухаммада Шарифа Мансурова в мае 1854 года. Причинами, по которым авторы избрали эту частную тему для решения общих вопросов колониального управления, на наш взгляд, стали, с одной

стороны, длительность следствия – оно длилось около девяти лет, и его резонансность – дело Мансурова привлекло огромное внимание разных представителей имперской администрации. С другой стороны все это способствовало тому, что эта история оставила глубокий архивный след, сохранилась обширная документальная база. Исследуя феномен дела и самой фигуры суфия Мансурова, авторы книги пытаются ответить на вопрос – почему она так интересовала колониальную администрацию и чем обоснованы их опасения? В поисках ответов авторы раскрывают особенности не только имперской политики по отношению к исламу и суфизму как таковым, но и шире – исследуют социальную историю Казахской степи.

На основе анализа предшествующей историографии, Павел Шаблей и Паоло Сартори резюмируют, что ряд исследователей ошибочно озвучивают мысль «о смене государственной политики по отношению к исламу в Казахской степи в середине XIX века» [Шаблей, Сартори 2025: 10]. Однако, по мнению авторов, интерпретации исторических событий, основанные на попытках найти в государственной политике по отношению к исламу какую-то последовательность и закономерность, придают этим суждениям «несколько упрощенный характер» [Шаблей, Сартори 2025: 10–11]. Как показано в работе, ко второй половине XIX века российские чиновники все еще не имели ясных представлений о мусульманстве, тем более не было у них специальных знаний о суфизме. Зачастую их представления обо всем этом складывались на основе расхожих стереотипов и общеколониальных ориенталистских практик. В этой связи авторы прослеживают то, как и каким образом это знание и незнание российских чиновников этого исламского религиозного течения влияло на формирование имперского колониального управления. Отмечено, что не последнюю роль в конфессиональной политике империи играли и колониальные деятели, находившиеся во главе региональных управленческих аппаратов. Нередко именно они становились инициаторами того или иного поворота в действиях местной администрации.

В рассматриваемом научном труде, методологической основой которого является идея эпистемологической относительности, авторы невольно вовлекают своего читателя в процесс глубокого и разностороннего анализа озвученной ими проблематики. Так, исследование не ограничивается лишь освещением материалов дела Мансурова. В контексте этой истории представлен более «широкий географический охват, палитра мнений чиновников на те или иные вопросы и столкновение интересов представителей бюрократического аппарата, религиозных кругов, казахской элиты, специфика коммуникаций среди мусульман» [Шаблей, Сартори 2025: 18]. Все это позволило авторам говорить о том, «что жители Казахской степи не воспринимали колониализм однообразно», казахи-мусульмане «гибко адаптировались к имперским преобразованиям и часто использовали бюрократическую систему, свое понимание особенностей текущей конъюнктуры, невежество чиновников в вопросах ислама и суфизма как ресурс для борьбы за власть и авторитет среди местных сообществ» [Шаблей, Сартори 2025: 18].

Исследование состоит из введения, четырех глав основной части, заключения и приложений, включающего в себя, помимо текстов исторических документов и библиографического списка литературы, и другие вспомогательные справочники и указатели.

В первой главе на обширном архивном и историографическом материале рассматриваются особенности восприятия суфизма представителями колониальных властей и специалистами-востоковедами, также нередко являвшихся частью того же административного аппарата. Отмечено, что ишаны, дервиши, мюриды рассматривались большинством российских чиновников в качестве шарлатанов, религиозных фанатиков, опасных политических элементов. Впрочем, восприятие суфизма в Российской империи мало чем отличались от представлений в европейских колониальных империях. Отмечается, что еще до возникновения дела Мансурова, колониальные власти прежде сталкивались

© Aleksey Tkachev, QHR

с разными представителями суфизма на Северном Кавказе, Поволжье, Башкирии, но так и не извлекали из всего этого нужных выводов. Со временем суфизм в Российской империи приобретает некую политическую окраску, что было связано с северокавказскими выступлениями, во главе которых находились имамы Гazi-Мухаммед (1828–1832) и Шамиль (1834–1859). С их именами связано формирование в литературе понятия «мюридизм». Не последнюю роль в этом сыграл и внешний фактор. В этот период в Северной Африке развернулось восстание суфийского шейха Абд ал-Кадира ал-Джазаيري против французского господства в Алжире. Вместе с тем, как указывают авторы, в отношении казахов у имперских властей долгое время бытовало мнение, что они являются «поверхностными мусульманами». Хотя и не исключался тот факт, что выступления казахов на территории Младшего и Среднего жузов после введения реформ 1822–1824 годов могли иметь и религиозную окраску.

Вторая глава освещает процесс организации следствия по делу Мухаммада Шарифа Мансурова. Авторы особое внимание обращают на контекст, в котором возникла эта история. «Информационная паника», связанная с распространением слухов и подозрений об активизации деятельности ишанов, назначение генерал-губернатором Западной Сибири Густава Христиановича Гасфорта (1794–1874), участвовавшего в военных действиях против имама Шамиля, вероятность появления призрака мюридизма в Казахской степи – все это повлияло на трактовку событий в этой мусульманской части империи и запустило репрессивный механизм. Но, несмотря на все инсинуации чиновников, следствие не дает должных результатов, «не превращает подозрения и домыслы в улики и неопровержимые доказательства виновности Мансурова в распространении «нового магометанского учения» и организации политического заговора против империи» [Шаблей, Сартори 2025: 23]. Имперские власти привлекают к разбирательству дела опытного специалиста, assessора Областного правления сибирскими казахами Виктора Карловича Ивашкевича, хорошо владевшего казахским языком и имевшего достаточный опыт службы в различных структурах по управлению Казахской степью. Однако, заключение эксперта становится неожиданным для Гасфорта, ожидавшего услышать мнение о распространении «нового учения» среди казахов и угрозе антиколониального движения. Изучив обстоятельства дела, Ивашкевич предлагает «многих фигурантов» следствия, которых власти признавали «неблагонадежными, избалованными в разных противозаконных поступках» – освободить, «так как вина их не доказана». Тем не менее, используя служебное положение, Гасфорт накладывает свое вето на заключение эксперта: «...я отношу это ходатайство к видимому лицемерию и покровительству преступнику» [Шаблей, Сартори 2025: 80].

Авторы отмечают, что подобного рода разногласия между чиновниками разных уровней, отнюдь не являлись обычной политической интригой. «Они констатировали реалии иного рода: имперское управление не носило сбалансированного характера» [Шаблей, Сартори 2025: 23]. Дело Мансурова в очередной раз очерчивало изъяны российской колониальной системы управления и демонстрировало отсутствие последовательности у имперской политики по отношению к исламу и суфизму.

В третьей главе продолжено изучение материалов следствия по делу Мансурова. Как отмечают авторы, для чиновников особую привлекательность данному делу придавала многочисленность материалов следствия, изъятых при обыске дома ишана: письма, деловые бумаги, рукописи, книги на разных восточных языках. Представители имперской власти в Омске предполагали, что перевод и разбор всех этих документов мог бы дать следствию неоспоримые улики и таким образом стать громкой кульминацией этого дела. Анализ авторами следственных материалов показывает, что неоднократные попытки Ивашкевича убедить Гасфорта «внимательнее проанализировать влияние религиозного статуса Мансурова на казахов», оказались тщетными. Под подозрение попадают и представители казахской управленческой элиты: старший султан Кокчетавского округа Абулхаир Габбасов, его брат волостной управитель Пиралы Габбасов, старший султан Акмолинского округа Арслан Худаймендин, султан Абдалы Аблаев и другие. Все они обвиняются «...в каких-то тайных и вредных сношениях» с Мансуровым, которые могли бы привести к разным «противозаконным поступкам» [Шаблей, Сартори 2025: 106]. К дальнейшему разбирательству дела были привлечены переводчик Главного управления Западной Сибири Гисамэтдин Габбасов-Шахмаев, пытавшийся разгадать смысл таинственных татуировок на руках подсудимого, переводчик с татарского языка, заседатель в Кушмурунском окружном приказе Дабшинский, имам первой мечети города Семипалатинска Ахмад Ишан б. Мухаммад, ахун города Петропавловска Сираджэтдин Сейфуллин, имам города Кокчетав Мифтахэтдин Хабибуллин и другие. Также в этой главе выделена роль представителей Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), в какой-то мере оказавшихся перед трудным выбором – проявить должную лояльность к имперским властям, но и не утратить при этом свой авторитет среди мусульманского населения Казахской степи. В конечном итоге, все попытки колониальных чиновников придать этому делу угрожающую окраску оказались безуспешными, под давлением Санкт-Петербурга, западносибирская администрация вынуждена была прекратить разбирательство и вынести решение, окончательно опровергавшее все подозрения Гасфорта и его окружения в отношении деятельности ишана Мухаммада Шарифа Мансурова.

В четвертой главе авторы уделяют внимание тому, каким образом отдельные участники или сообщества использовали документы из дела Мансурова, чтобы адаптировать их к различным политическим ситуациям во второй половине XIX – начале XX веков. В частности, интерес представляет то обстоятельство, что одним из первых к материалам следствия обращался чингизид Чокан Валиханов, известный казахский этнограф, в ту пору адъютант генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта. В 1860-е годы на Чокана Валиханова, как на знатока правовой культуры казахов была возложена задача разработки законопроекта по судебной реформе в Степи. На основе сопоставления материалов следствия и подготовленного Валихановым текста «Записки о судебной реформе», авторы приходят к заключению, что Чокан привлек отдельные фрагменты из дела Мансурова для того, чтобы усилить свои аргументы, связанные с критикой деятельности татарских и среднеазиатских мулл и необходимости исключения казахов из ведомства ОМДС.

В целом авторам удалось найти баланс между частным и общим, получилось на примере одного конкретного дела достигнуть некоторых общих выводов о сущности политики Российской империи в отношении мусульманства и суфизма Казахской степи. Анализ,

проведенный авторами, позволил показать некоторые общие и специфические черты колониальной политики, особенности взаимодействия российских чиновников с мусульманами-кочевниками. Вместе с тем мы видим, что российская колониальная политика не являлась уникальным явлением, она имела схожие инструменты и стереотипы со многими европейскими колониальными империями (Португальская, Испанская, Британская, Французская, Голландская). Остро реагируя на резонансные события своего времени – движение имама Шамиля на Северном Кавказе, восстание Кенесары Касымова, представители власти, подобно генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту, готовы были искать нового Шамиля или Кенесары где угодно. Но как отметили авторы: «...империя, обладавшая ресурсами для реализации карательных действий и насаждавшая принцип верховенства закона, не представлялась мусульманам деспотией, которой невозможно было противостоять. Напротив: они активно использовали разные бюрократические изъяны, свою осведомленность в системе колониальных знаний, свои связи для реализации широкого круга возможности» [Шаблей, Сартори 2025: 175].

В завершение хотелось бы отметить, что для казахстанского читателя важно то, что впервые поднимается тема наличия самого факта политических преследований суфизма в Казахстане уже в середине XIX века. Авторы книги проделали значительную работу по сбору, систематизации и введению в широкий научный оборот уникальных исторических материалов. Кроме того, данное исследование является примером удачной постановки научной проблемы, ее всестороннего рассмотрения и решения. Надеемся, книга будет пользоваться читательским спросом и будет способствовать дальнейшему проблемному изучению важных вопросов колониального прошлого казахского народа.

Библиография

Шаблей П., Сартори П. Дело Мансурова: империя и суфизм в Казахской степи. Москва: Новое литературное обозрение, 2025.

References

Shabley, P., Sartori, P. *Delo Mansurova: imperija i sufizm v Kazahskoj stepi* [The Mansurov Affair: Empire and Sufism in the Qazaq Steppe]. Moscow: New Literary Review, 2025.

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 11.01.2025

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами: 17.02.2025

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 20.05.2025

